

НАУКА И УНИВЕРСИТЕТ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

М.М. Ведмедев

*доктор философских наук, доцент
кафедра философии и социальных наук,
Сумский государственный педагогический университет,
г. Сумы, Украина*

Контактная информация: тел.: +380689243331, e-mail: vedmedev2009@yandex.ua

Автор делает предметом анализа роль и значение науки и университета в обществе знания. Рассматривается соотношения научного и манипулятивного знания в экономике и социальной сфере. Делается вывод относительно глубоко противоречивого статуса науки и университета в современном обществе

Ключевые слова: *наука, университет, общество, основанное на знании, технонаука, экономика, основанная на знании, манипулятивные технологии.*

SCIENCE AND UNIVERSITY IN KNOWLEDGE SOCIETY

M.M. Vedmedev

*Doctor of Science in Philosophy, Associate Professor
Department of philosophy and social sciences,
Sumy State Pedagogical University, Sumy, Ukraine*

The author focuses on the role and significance of science and university in knowledge-based society. Correlation of scientific and manipulation knowledge is examined in an economic and social sphere. Conclusion is drawn about contradictory status of science and university in modern society

Key words: *science, university, knowledge-based society, technoscience, knowledge-based economy, manipulation technologies.*

Одной из наиболее поразительных и неожиданных черт социальной системы, получившей название «общество знания» являются, пожалуй, те метаморфозы, которые претерпевает знание и интеллектуальная деятельность в рамках этой системы. Казалось бы, общество знания (в силу самого этого определения) должно было бы способствовать утверждению ценностей

рационального мышления, науки, расцвету образованности и культуры. Вместо этого наблюдается прогрессирующее вытеснение теоретического знания прикладными разработками, классического университетского образования конъюнктурной образованщиной, добротных научных результатов коммерческими продуктами эрзац-знания. Возникшие обстоятельства оказались столь обескураживающими, что появились утверждения о том, что на смену науке приходит иной тип интеллектуальной деятельности – исследование (в трактовке Б. Латура) [7], что в «обществе знания» для науки места нет [3], что общество знания может вовсе не наступить [3] и т.п.

Неожиданность вскрывшихся фактов обусловлена тем, что специалисты нередко продолжают смотреть на предмет анализа глазами авторов классических теорий 60-80 гг. прошлого века, – З. Бжезинского, Д. Белла, П. Дракера, Ё. Масуды, Э. Тоффлера и других.

Обобщая и упрощая написанное классиками, можно выделить некоторые существенные черты их представления относительно грядущего типа социальной организации. Определяющим фактором общественной жизни будет теоретическое знание, а базовым общественным институтом – университет, как центр производства, переработки и накопления знания. Инфраструктурой общества станет не старая механическая техника, а новая – «интеллектуальная». Привилегированную прослойку будущей социальной системы образуют не богатые (в теперешнем понимании), а слой, связанный с производством, хранением и переработкой информации. Критики отмеченной концепции подчеркивают, что в таком понимании постиндустриальное общество нигде не состоялось.

Конечно, акценты и оценки в трудах современных специалистов заметно изменились, однако глубинные, скрытые интенции во многом остались. Идет речь прежде всего об установках наукоцентризма и технологического детерминизма.

Уточним, что нами рассматривается то состояние общества, которых в англоязычной литературе представлено не выражением «information society», а термином «knowledge-based society» (термин, более адекватно отражающий ситуацию, чем словосочетание «knowledge society»).

Сегодня немало основополагающих вопросов остаются невыясненными. Это касается даже такого, казалось бы, понятного момента, как проблема: в каком смысле следует понимать «knowledge-based society» как систему, основанную на знаниях, или на их творении – высоких технологиях? На выяснении этого и смежных вопросов мы и сосредоточим свое внимание.

Что касается выражения «knowledge-based society» (KBS), то определения типа «общество, в котором знания (в частности, научные) получили широкое распространение» или «общество, в развитии которого знания играют решающую роль» является малоинформативными. Целесообразно воспользоваться характеристикой А.И. Ракитова. Он выделяет четыре типа общества, среди

которых KBS соответствует тому типу обществ, которые «производят все необходимы для жизнедеятельности и развития научные знания, высокие технологии, наукоемкие артефакты и услуги и которые живут в основном за их счет» [4, с. 91]. Другие же типы социумов в разной мере импортируют знание и технологии, эксплуатируют собственные природные ресурсы. Существенными является два обстоятельства. С одной стороны, само *наличие* знаний еще не является основанием отнесения общества к данной категории: необходимо его *генерировать*. А с другой – в KBS должны доминировать научные знания. Этот очень жесткий критерий не позволяет ни одно из существующих ныне обществ отнести к категории KBS. Хотя с определенными предостережениями образцу соответствуют США, потом Большая Британия, Германия, Франция, Япония.

Данная точка зрения не лишена наукоцентрических установок. Прежде всего, следует уяснить, является ли наука ведущей структурой KBS.

Оценку роли науки в KBS уместно дать, связывая рассмотрение вопроса с так называемой *knowledge-based economy* (КВЕ). Ведь существует не просто связка «наука – хай-тек-технология», Все это погружено в среду имущественных, стоимостных, субъективно-ценностных, инвестиционных, мотивационных, юридических процессов, которые являются настолько значимыми, что специалисты иногда фактически не проводят разницу между KBS и КВЕ. Именно КВЕ, а не технологии сами по себе являются локомотивом когнитивно-информационных трансформаций общества.

Критика наукоцентрического подхода в таком случае будет связана с переоценкой такого явления как наукоёмкость производимых продуктов. Эта категория является главным образом феноменом экономическим. В упомянутой категории находит свое отражение то обстоятельство, что объективированное в продуктах и услугах знания формирует большую часть созданной стоимости. Определяющая роль расходов на научные и проектно-конструкторские разработки характерна сегодня не только для оборонной и ракетно-космической отраслей. Все более наукоемкими становятся такие традиционные сферы как сельское хозяйство (научные разработки составляют 75% стоимости зерна) и добыча полезных ископаемых (до 50% в добыче нефти). Не является исключением и производство потребительских товаров – автомобилей («чип с колесами», по выражению редактора журнала *World* Кевина Келли), бытовой техники, электроники. Иногда используется единица удельной информационной вместимости продукта – величина добавленной стоимости в расчете на единицу веса изделия. Можно привести такой сравнительный ряд (ам. доллар / фунт веса): спутник (20 тыс. дол.), реактивный истребитель (2500), суперкомпьютер (1700), подводная лодка (45), станок – автомат (11), стандартный автомобиль (5), грузовое судно(1) [6, с. 14-15].

С подобными расчетами связанные определены представления, которые на первый взгляд выглядят бесспорными. Суть их заключается в следующем. Научные достижения – первое и во многом определяющее звено процесса. За ним следуют проектно-конструкторские разработки и высокие технологии. И в конечном итоге появляется особенный продукт – наукоемкое изделие. Все это, безусловно, имеет место. Но следует ли считать, что именно это составляет стержень knowledge-based economy?

Японский исследователь Т. Сакайя, изучая факторы ценообразования в постиндустриальной экономике, излагает соображения, которые достойны того, чтобы быть принятыми во внимание. Прежде всего, он сосредотачивается на экономическом феномене, который получает название «создана знанием ценность» («knowledge-value»). Исследователь отмечает, что когда идет речь о типичных материальных ценностях или услугах, то стоимость продукции может существенно повышаться или снижаться в зависимости от спроса и предложения. Скажем, стоимость металлического проката на протяжении года способна колебаться в пределах от 50 до 150 тыс. иен. Однако существуют все основания утверждать об определенной базовой стоимости. И если цена упадет слишком низко, существуют все основания надеяться, что она опять вырастет, а в случае ее непомерного роста, следует ожидать удешевления продукции.

Другую ситуацию имеем в случае, когда идет речь о создании знанием ценности. Т. Сакайя сравнивает стоимость галстука всемирно известной марки «Гермес» (20 тыс. иен) со стоимостью подобного изделия «обычной» фирмы (4 тыс. иен). Изделия мало отличаются ли один от другого, как с точки зрения потраченных на их производство материалов, так и относительно технологии. За что же платит покупатель? Платит за ту ценность, которая создана знанием. Покупатель абсолютно убежден, что имидж этой продукции является безукоризненным, а ее непревзойденный дизайн является отражением коллективной мудрости тех, кто связан с фирмой. Ценность, которая создана знанием, представлена фирменным названием, а действие покупателя, который приобрел продукцию, которая накопила мудрость ее производителей, признается разумным. Подобные наблюдения положены в основу концепции общества, основанного на создаваемых знанием ценностях.

«Итак, товаром, которым мы обладаем в изобилии, – пишет Т. Сакайя, – является мудрость. Отсюда следует, что в складывающемся сегодня обществе наибольшее уважение будет вызывать образ жизни, сопровождающийся ... потреблением мудрости (в ее самом широком понимании), а находить наилучший сбыт будет продукция, свидетельствующая о том, что ее покупатель — человек «умудренный» ... Я полагаю, что ныне мы вступаем в новый этап цивилизации, в котором движущей силой являются ценности, создаваемые знанием, и именно поэтому я называю этот этап

обществом, базирующимся на знанием создаваемых ценностях (knowledge-value society) [5, с. 342].

Возвращаясь к примеру с галстуками, следует отметить также особенные механизмы изменения цены. Вещи, которые были модны год назад, покупались по цене 20 тыс. иен. Когда такой товар выходит из моды и продается за 4 тыс. иен, то никто не надеется, что его стоимость опять вырастет. Это обстоятельство свидетельствует, что цена, созданная знанием, почти полностью теряется. Остается лишь стоимость материалов, которые потрачены на изготовление изделия.

Изложенное выше побуждает сделать ряд принципиальных выводов, которые существенно отличаются от распространенных представлений. Во-первых, ценности создаются знанием далеко не всегда научным. Пример с галстуком ярко это иллюстрирует. Во-вторых, было бы неуместным упрощением говорить об *объективации* в продуктах или услугах знаний, которые таким образом формируют их стоимость. Т. Сакайя убедительно доказывает, что феномен распространения созданной знанием стоимости базируется на высокой степени *субъективизации* общества. И, в-третьих, сомнительным выглядит тезис, что расходы на интеллектуальные разработки, которые предшествуют появлению изделий образуют львиную часть их стоимости. Как следует из приведенных наблюдений, с одной стороны, созданная знанием стоимость при определенных обстоятельствах практически полностью и необратимо исчезает, а с другой – стоимость умственных усилий просто несоизмерима с ценой продукта.

К некоторым из этих выводов стоит присмотреться внимательнее. Скажем, к тезису о субъективизации общества. Т. Сакайя не склонен к радикализации постановки вопроса. Однако это уместно сделать. Покупатель, который «чувствует себя мудрым человеком», приобретая престижную вещь, очень часто является продуктом действия манипулятивных социогуманитарных технологий. Именно податливая человеческая субъективность стала главным объектом влияния манипулятивных искусств, которые во все большей мере вытесняют прежние фундаментальные науки. Субъективность стала альфой и омегой нового типа экономики – экономики спекулятивно-манипулятивной. Стоимость продукта действительно формируется благодаря знанию, но знанию манипулятивному. Так называемая интеллектуальная рента, которая решающим образом влияет на цену, имеет своей основой не реальные потребительские качества товара, а качества символические. Такие, которые возникают путем обработки не вещи, а сознания потребителя. И если knowledge-based economy действительно оправдывает свое название, то происходит это часто совсем не в смысле роста наукоёмкости ее продуктов.

Сказанное вовсе не отрицает значения науки (в частности фундаментальной) для КВЕ. Но следует обратить внимание на принципиальное изменение соотношения между ними: именно КВЕ

задает ныне нормативы интеллектуальной деятельности в сфере науки. «Внедренческая» наука уступает место так называемой технонауке [8]. Последняя и является релевантной для KBS формой интеллектуального производства.

Не оправдались надежды основателей доктрины информационного общества и касательного того, что ядром социальной организации, ее главным социальным институтом станет университет, как центр производства, переработки и накопления знаний. Напротив, университет заметно утратил свои прежние позиции или существенно трансформировался.

В работе «Ситуация постмодерна» Ж.-Ф. Лиотар сосредотачивается на вопросе о коренном изменении способа легитимации науки. Во времена Просвещения наука снискала социальное признание, используя обоснование типа: служение интересам прогресса, народа, эмансипация личности. Но подобные идеи откровенно расходились с ее имманентным принципом эмпирического обоснования. И на смену старому принципу легитимации пришла легитимация рыночная. «Старый принцип, согласно которому знание неотделимо от формирования разума и даже самой личности, устаревает и будет выходить из обихода. Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы приобрести стоимость в новой продукции» [2, с. 18]. Новый статус знания приводит к коренной трансформации роли образования: университет теряет функцию формирования идеалов, а *производит лишь компетенции*. Студента уже не должен тревожить вопрос «является ли это истинным?», а лишь вопрос «для чего это нужно и можно ли это продать?» [2, с. 124].

Близкие к взглядам Ж.-Ф. Лиотара мысли высказывает З. Бауман. Теперешний кризис образования – это кризис институтов и доктрин, которые достались современникам в наследство от былых времен. Институты и доктрины были в совершенстве адаптированы к той социально-культурной реальности, которая сегодня стремительно исчезает. Университет, который уходит своими корнями во времена Средневековья, приобрел свою классическую форму в эпоху Модернити. «Носители знания, исследователи новых и распространители старых истин приближались к властям предрешающим или даже вступали с ними в конкуренцию...оказываясь в центре институциональной сети и в высшем ранге духовного авторитета» [1, с. 162]

Сегодня состояние дел коренным чином изменилось под воздействием ряда причин – стихийных рыночных сил, медийной среды, ценностных ориентиров постмодерна. Технологическая гонка превращает приобретенные знания и навыки в ненужный груз, быстро сокращая срок их пригодности. Университеты стремительно теряют функцию профессиональной подготовки. Им все более тяжело конкурировать с разнообразными формами профессиональной переподготовки на рабочем месте и даже с краткосрочными курсами и семинарами, которые проводятся в выходные дни. Даже то обстоятельство, что в последнее время желающих вступить в

вузы не уменьшилось, не добавляет оптимизма. Специалисты не без основания видят в университете место временного убежища для молодежи в условиях хронической безработицы.

С современной медийной средой связана серьезная проблема социального статуса науки и всех, кто к ней причастен. Сегодня СМИ превратились в главный источник и средство получения авторитета. Репутация все чаще достигается за пределами университета, а роль научного сообщества, мнение которого раньше имело важное значение неуклонно снижается. Средствам массовой информации не хватает времени, чтобы возвращать *славу*, однако им хорошо удается культивировать *популярность*. Длительный и тяжелый поиск истины не пригоден для того, чтобы происходить на глазах публики, внимание которой он вряд ли привлечет. «С тех пор как известность заняла место славы, преподаватели колледжей вынуждены вступать в состязание со спортсменами, звездами эстрады, победителями лотерей, террористами, взломщиками банков и серийными убийцами, и в таких состязаниях у них мало, а то и вовсе нет шансов победить» [1, с. 168].

Таким образом, положение науки в knowledge-based society оказывается сложным, неоднозначным и глубоко противоречивым. Определяющей движущей силой становления и развития knowledge-based society является не наука, а knowledge-based economy. Релевантной формой интеллектуальной деятельности в контексте KBS является не классическая наука, а технаука. Традиционный тип университета и свойственные ему формы образовательной и исследовательской деятельности в современных условиях стремительно утрачивают свои функции и значения, уступая место иным каналам передачи знаний и социальным институтам, формирующим академические репутации.

Ситуация крайне противоречива и нуждается в последующем подробном анализе.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Ин-т эксперимент. социологии, Спб.: Алетейя, 1988. – 160 с.
3. Наука. Технологии. Человек. Материалы «Круглого стола» // Вопросы философии. – 2015. – № 9. – С. 5 – 39.
4. Ракитов А.И. Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях / А.И. Ракитов // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 82 – 94.
5. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С. 334-362.

6. Цвылев Р.И. Метаморфозы индустриальной экономики: проблема экономических измерений / Р.И. Цвылев // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – №2. – С. 11-19.
7. Latour B. From the World of Science to the World of Research? / Bruno Latour // Science – 1998. – Vol. 280. – Issue 5361. – P. 208 – 209.
8. Schafer W. Global Technoscience: The Dark Matter of Social Theory // Presentation, University of Maryland Conference on Globalizations: Cultural, Economic, Democratic. April 2002. <http://www.stonybrook.edu/globalhistory/GT.html>